

Смѣна принциповъ въ русской критикѣ XIX ст.

итературная критика, прежде чѣмъ дойти до
полнаго выясненія своихъ задачъ и цѣлей,
прошла длинный путь своего развитія, мѣняя свое на-
правленіе, свои принципы. Прослѣдить эту мѣну прин-
циповъ на разстояніи минувшаго XIX ст., когда рус-
ская критика достигла своего полнаго развитія и уста-
новила точно свои начала, и составляетъ задачу на-
стоящей статьи.

Начало русской критики было положено въ жур-
налахъ XVIII в. Нельзя сказать, чтобы наша критика
сразу сознала свои задачи и уяснила свои цѣли. На
первыхъ порахъ она шла ощупью и примкнула къ тому
сатирическому направленію, которое господствовало въ
журналахъ XVIII в. Такъ она, подобно тогдашней са-
тирѣ, касается общественнаго быта. Кромѣ того под-
смѣивается надъ пастушеской поэзіей, которая была
тогда въ фаворѣ, надъ торжественной лирикой и одо-
писцами и говорила, что похвальная ода—шелковый
чулокъ: какъ шелковый чулокъ лѣзетъ на всякую ногу,
такъ и ода-де подходитъ ко всякому случаю. Изъ жур-
наловъ XVIII в. заслуживаетъ особеннаго вниманія
«Петербургскій Вѣстникъ» (1778—1781 г.г.), въ кото-
ромъ и положено было начало русской критикѣ. Изда-
тель обѣщалъ дать роспись выходящихъ новыхъ книгъ
и замѣтки о нихъ, затѣмъ отзывъ вообще о различ-
ныхъ книгахъ. Объ оригинальныхъ книгахъ говорится:

существовала ли раньше такая книга, что новаго въ ней и т. д. Въ сужденіяхъ о литературныхъ произведеніяхъ обращается вниманіе на слогъ прозы и поэзіи и требуется, чтобы произведенія доставляли пользу и удовольствіе, и чтобы въ этихъ произведеніяхъ была нравственная цѣль. Съ этой точки зрѣнія разсматриваются тогдашніе романы, и выясняется ихъ польза и вредъ. Отъ произведеній драматическихъ тогдашняя критика требовала, чтобы они содѣйствовали исправленію нравовъ. Подобное мнѣніе мы можемъ найти въ разборѣ комедіи «Сестры соперницы». Остановившись на сценѣ, гдѣ одна сестра предвосхищаетъ у другой руку и сердце возлюбленнаго, критикъ порицаетъ эту сцену, находя, что «живописецъ, изображая природу, выбираетъ въ ней лучшее, а если что и дурное долженъ онъ помѣстить въ картинѣ, тогда надлежитъ ему то всею силою своего искусства украшать» («П. Вѣстн.» 1778, ч. I, стр. 234). Итакъ, общія начала тогдашней журнальной критики сводятся къ слѣдующему: на первомъ планѣ—слогъ и языкъ произведенія, а затѣмъ обращается особенное вниманіе на то, соотвѣтствуетъ ли то или другое произведеніе своимъ содержаніемъ нравственному чувству. Интереснымъ также представляется то обстоятельство, что при оцѣнкѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ критикъ ссылается на золотое правило римскаго стихотворца, который сказалъ: великая разница будетъ—бояринъ ли говорить, или слуга. Это обращеніе къ правиламъ римскаго стихотворца весьма характерно: здѣсь сказывается то направленіе въ нашей литературѣ, на которомъ необходимо остановиться, чтобы понять многія явленія въ ней и въ частности въ русской критикѣ. Такимъ направленіемъ былъ ложноклассицизмъ. Идеи этого направленія клонились къ тео-

рiи подражанiя—это былъ первый догматъ критики въ этомъ духѣ, въ силу котораго поэзія должна быть подражательницею природы, и взято это 'отъ Аристотеля и греческихъ идеалистовъ, которые говорили, что міръ есть мнѣзисъ идей (по Платону--сначала были идеи, а потомъ міръ), и поэзія должна быть изображеніемъ вселенной. По Аристотелю, искусство должно изображать природу, отчасти усовершая ее; поэзія же, по его понятію, появилась отъ двухъ причинъ: 1) отъ врожденнаго стремленiя—подражать природѣ и 2) отъ желанiя наслаждаться изображеніемъ, вотъ отчего и худое, изображенное искусствомъ, насъ забавляетъ. Но Аристотель давался ложно-классикамъ плохо. Больше по плечу пришелся имъ Горацій. Его соч. «Ars poëtica», сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для сужденiй о поэзіи разныхъ писателей, стремившихся возродить классическое искусство. Цѣль поэзіи по Горацію—учить и нравиться, и задача литературнаго произведенiя есть соединенiе полезнаго съ прiятнымъ, что и считалось у ложно-классиковъ основною догмою ихъ критики. Ложно-классики, заимствуя свои принципы у Аристотеля, Горація и больше всего у Цицерона, взятое у нихъ передѣлывали по своему современному вкусу и частные рассказы и мысли возводили часто въ принципъ. Цицеронъ, представляя идеаль, говоритъ, что онъ собиралъ черты, ибо природа этого совершеннаго намъ нигдѣ не создаетъ. Ложно-классики его мысль, что полнаго образца нѣтъ въ природѣ, а онъ постигается душой, умомъ, разумомъ,—извратили и помѣстили въ свой принципъ, и приняли механическое сплетенiе всего, что хорошо у другихъ, и признали лучшимъ характеромъ произведенiя литературы. Самымъ полнымъ выразителемъ ложно-классической теорiи было «l'art poétique»

Буало. Это сочиненіе имѣло громадное вліяніе на современниковъ, на литературныя теоріи, на созданіе поэтическихъ произведеній. Буало говоритъ о различныхъ родахъ и видахъ поэзіи, опредѣляетъ ихъ существенныя черты, даетъ краткія свѣдѣнія о происхожденіи видовъ поэзіи. Онъ считаетъ три условія необходимыми для поэзіи: 1) стихъ, 2) риѣму и 3) здравый смыслъ (*bon sens*). Буало вполне былъ въ духъ своего времени, когда царила фраза; на слогъ, на внѣшнюю отдѣлку произведенія онъ обращалъ самое ревнивое вниманіе. Относительно драмы Буало считалъ необходимымъ, чтобы писатель высказывалъ предметъ и смыслъ ея въ началѣ; чтобы въ ней непременно были соблюдены три единства: единство времени, дѣйствія и мѣста. Эпическая поэзія, говоритъ Буало, должна жить вымыслами, безъ которыхъ она потеряетъ свою прелесть. Поэтому въ поэтическомъ произведеніи нельзя сказать: «громъ гремитъ», но «вооруженный Юпитеръ устрашаетъ землю». Итакъ, какіе же принципы могъ внести ложно-классицизмъ въ обиходъ нашей литературной критики? Эти принципы сводятся къ соединенію «пріятнаго съ полезнымъ». Все пріятное находилось въ зависимости отъ внѣшней отдѣлки произведенія, отъ внѣшняго лоска, громкой фразы и разныхъ внѣшнихъ украшеній, а польза сводилась къ благопристойности и выработкѣ вкуса, а также къ морали *). Этими качествами опредѣлялось достоинство каждаго литературнаго произведенія. Ложно-классическая мѣрка примѣнялась и даже,

*) Впослѣдствіи Батте, труды котораго были также распространены на Руси, цѣль поэзіи видѣлъ въ удовольствіи, а полезное въ поэзіи находилъ 1) въ состраданіи къ несчастнымъ и 2) въ удивленіи къ героическимъ подвигамъ.

можно сказать, господствовала у насъ вплоть до 30-хъ годовъ XIX ст. Но нельзя сказать, чтобы въ это время принципы ложно-классическіе были единственными, вліявшими на русскую литературу и критику. Почти одновременно съ ложно-классицизмомъ начали пробиваться и принципы эстетическіе. Проводникомъ эстетическаго вліянія у насъ былъ Баумгартенъ, написавшій сочиненіе подъ заглавіемъ: «Эстетика» (1750—I ч. 1758—II ч.) «Эстетическая точка зрѣнія заключается въ разборѣ литературнаго произведенія съ художественной стороны. Подъ «эстетикой» Баумгартенъ разумѣлъ науку о познаніяхъ, пріобрѣтаемыхъ чувствомъ. Совершенство, сознаваемое чувствомъ, есть красота. Совершенство можетъ проявиться въ мірѣ виѣшнемъ—въ природѣ; отсюда—извѣстное мнѣніе, что искусство должно подражать виѣшной природѣ. Что касается внутренняго міра человека, то для него необходимо, чтобы поэтическія произведенія стремились къ проведенію идей истины и добра, а также преслѣдовали бы и цѣль нравоучительную (пользу). Баумгартенъ отождествляетъ даже чувство эстетическое съ религіознымъ. Отсюда становится понятнымъ требованіе нашихъ критиковъ отъ литературныхъ произведеній, чтобы они были нравственны и не нарушали ничѣмъ нравственной благопристойности. Идеи Баумгартена изъ Германіи перешли прежде всего въ Россію. Въ первомъ проектѣ Университетскаго Устава эстетика уже появляется въ числѣ предметовъ преподаванія. Впервые идеи Баумгартена распространялъ у насъ проф. Московскаго у—та Шварцъ (другъ Новикова). Послѣдователи Баумгартена останавливались главнымъ образомъ на понятіи художественной красоты и на болѣе точномъ выясненіи понятія изящнаго вообще. Такъ Зуль

церъ, написавшій «Всеобщую теорію изящнаго искусства», соединяетъ понятія художественныя съ нравственными и видитъ двѣ самыя главныя силы человѣка въ разумъ и въ нравственномъ чувствѣ. Эшенбургъ, написавшій «Теорію изящныхъ наукъ», выставляетъ такія положенія: эстетика—это теорія красоты, а красота есть познаваемое чувствомъ единство въ разнообразіи. Чувство красоты выражается въ неясныхъ впечатлѣніяхъ. Изящное отличается отъ истины и добра. Воцннѣ изящное должно дѣйствовать на чувство, умъ и сердце. Вслѣдъ за эстетическими идеями къ намъ начинаютъ проникать классическія идеи Винкельмана (1717—1768). Онъ указываетъ на необходимость изученія классическаго міра. Онъ первый началъ изучать художественныя стороны классическаго міра, и его идеи, не остались безплодными, а, напротивъ того, произвели сильное вліяніе на литературу и критику. Вліяніе его сказалось и въ нашей литературѣ.

Теоретическими и практическими насадителями ложно-классическихъ идей были у насъ—Тредьяковскій, Ломоносовъ, Поповскій, проф. Московскаго университета; Рижскій, проф. Харьковскаго университета, занимавшій кафедру русской словесности отъ 1805 до 1811 г. Проводникомъ эстетическихъ идей, какъ я сказалъ, былъ Шварцъ, проф. Московскаго университета; а проводникомъ художественныхъ классическихъ идей былъ проф. Московскаго унив. Сохоцкій, занимавшій кафедру философіи, эстетики и словесности съ 1796 по 1809 г. Помимо стремленія Сохоцкаго—вызвышать древній міръ, древнее искусство, важною чертою его дѣятельности является еще то обстоятельство, что онъ сильно возставалъ противъ романтизма въ нашей литературѣ. Въ немъ нѣтъ, по словамъ Сохоцкаго, ясности и спокой-

ствія древняго искусства. Романтическая поэзія заключаетъ въ себѣ много таинственнаго и мрачнаго, а такой характеръ поэзіи не возвышаетъ душу, а угнетаетъ её. Истиннымъ основателемъ нашей критики можно считать проф. Московскаго университета Мерзлякова (1788—1830 г.г.). Будучи классикомъ по направленію, Мерзляковъ всѣми силами противодѣйствовалъ распространенію у насъ французскаго ложно-классическаго направленія. Онъ находилъ въ французской литературѣ много временнаго и мѣстнаго; онъ говорилъ, что подражаніемъ французской литературѣ мы впадаемъ въ рабство, измѣняемъ своей національности, тогда какъ, подражая образцамъ древняго классическаго міра, мы преклоняемся только передъ созданіями чистаго, истиннаго творчества. Но въ то же время Мерзляковъ самъ былъ не чуждъ французскаго вліянія и считалъ Буало и Лагарпа надежными руководителями въ области литературы. Это противорѣчіе повторяется у него и по отношенію къ Пушкину, котораго онъ часто порицаетъ, какъ не отвѣчающаго извѣстнымъ теоретическимъ правиламъ, но въ то же время преклоняется передъ его художественными произведеніями. Въ его критическихъ разсужденіяхъ большую роль играла стилистика; слогу и языку онъ придавалъ большое значеніе. Поэзія, по опредѣленію Мерзлякова, есть подражаніе въ гармоническомъ слогѣ всему тому, что природа можетъ имѣть прелестнаго, трогательнаго. Нужно подражать природѣ и ея смыслу. Поэтъ, какъ органъ природы, долженъ постигать ея душу. Въ этой природѣ выражается прежде всего единство при разнообразіи; тоже должно быть и въ поэзіи. Цѣль поэзіи заключается въ томъ, чтобы полезное соединять съ пріятнымъ, чтобы научать и нравиться: нравиться расположеніемъ и выборомъ харак-

теровъ, научать дѣйствиємъ на умъ и сердце. Необходимо, слѣдовательно, знаніе и предмета, и человѣческаго сердца. Критикъ долженъ различать, что сочинено съ хорошимъ намѣреніемъ, что съ дурнымъ и что вообще безъ намѣренія. Буквальная точность въ поэзіи вообще не составляетъ необходимости; все дѣло здѣсь въ типичности. Мерзляковъ сильно нападалъ на романтизмъ, видя въ немъ оскорбленіе вкуса и благородной цѣли поэзіи, а потому и съ этой точки зрѣнія онъ нападалъ на Пушкина за нѣкоторыя его произведенія съ романтической подкладкой. Такимъ образомъ Мерзляковъ въ своей критической дѣятельности по своимъ принципамъ былъ классикъ съ нѣкоторыми замашками ложно-классика. Новаго—въ существѣ дѣла онъ ничего не внесъ, а расшатывалъ—лишь и безъ того непрочныя зданія у насъ ложно-классицизма и романтизма и въ этомъ отношеніи оказалъ несомнѣнную заслугу русской критикѣ, очищая путь для послѣдующихъ дѣятелей. Что касается его взгляда, что поэтъ долженъ постигать душу природы, то въ этомъ отношеніи его можно назвать предвѣстникомъ тѣхъ новыхъ принциповъ въ русской литературѣ и въ русской критикѣ, которые были выдвинуты нѣсколько позже и обоснованы у насъ нѣмецкой философійю. Итакъ, до 30-хъ г.г. XIX ст. при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній господствовали ложно-классическіе принципы, которые перемѣшивались иногда съ идеями чистаго искусства или связанными съ нимъ идеями эстетико-художественными. Съ 30-хъ г.г. начинается литературно-критическая дѣятельность Надеждина. Его міровоззрѣніе заключаетъ въ себѣ два принципа: это 1) отрицательное отношеніе къ современной литературѣ и 2) требованіе народности поэтическаго творчества. Оба эти принципа находятся въ генетической

связи, и Надеждинъ не былъ первымъ пионеромъ провозгласившимъ подобныя принципы. Отрицательно отнеслись къ русской литературѣ также—Марлинскій, В. Полевой, Кирѣевскій, Веневитиновъ. Принципъ народности былъ обоснованъ уже шеллингизмомъ и высказанъ раньше его другими приверженцами шеллингизма, хотя бы напр. Веневитиновымъ. Надеждинъ отнесся отрицательно къ современной русской литературѣ, потому что видѣлъ въ ней лишь одно подражательное направленіе съ несимпатичными ему кличками классицизма (ложно-классицизма) и романтизма. Онъ въ особенности возстаетъ противъ послѣдняго. При такомъ насильственномъ, чуждомъ вліяніи русская литература не можетъ развиваться. Она должна питаться собственными корнями. Отсюда естествененъ переходъ къ другому принципу народности. Но въ своихъ поискахъ примѣненія этого принципа къ русской литературѣ Надеждинъ останавливается лишь на басняхъ Крылова и на «Юріи Милославскомъ»—Загоскина.

Дальнѣйшіе поиски не дали никакихъ результатовъ, такъ какъ по основному взгляду его на нашу историческую и общественную жизнь, толковать о народности въ русской литературѣ еще не приходится, потому что русская народность еще не успѣла выразиться и въ самой русской жизни. «Нашей поэзіи», говоритъ онъ: «не дождаться обновленія до тѣхъ поръ, пока русскій духъ не обратится внутрь себя, не отыщетъ въ самомъ себѣ источника самобытной жизни». Въ русской старинѣ также нечего искать чертъ нашей русской народности, такъ какъ наша исторія начинается собственно съ Петра Великаго. У насъ нѣтъ поэзіи, такъ какъ нѣтъ еще своего русскаго, самобытнаго и самообразнаго мышленія; мы не сознали себя,

какъ русскихъ, не объяснили настоящее положеніе въ системѣ рода человѣческаго». И такъ, Надеждинъ, выставивъ широкій принципъ народности и обосновавъ его философіей Шеллинга, не могъ найти ему примѣненія въ русской литературѣ, — отчасти вслѣдствіе своего скептическаго взгляда на русскую исторію, отчасти — за недостаткомъ эстетическаго чутья, что въ особенности рѣзко выразилось въ его оцѣнкѣ литературныхъ произведеній Пушкина. Что касается отношенія Надеждина къ Бѣлинскому, то оно опредѣляется тѣмъ, что Надеждинъ окончательно (послѣ Сохоцкаго и Мерзлякова) дискредитировалъ господствовавшія еще тогда литературныя направленія (ложно классицизмъ и романтизмъ). Затѣмъ онъ указалъ на новую задачу литературы — народность, предоставивъ Бѣлинскому разъяснить на самыхъ произведеніяхъ сущность этого новаго направленія. Что касается философскихъ идей, проникавшихъ въ наше литературное сознаніе, то этому способствовали гораздо въ большей степени члены литературныхъ кружковъ — Одоевскаго и Станкевича, чѣмъ Надеждинъ. Въ критико-литературной дѣятельности Бѣлинскаго можно различить три періода. Первый періодъ его дѣятельности характеризуется пропагандой философскихъ идей Шеллинга въ примѣненіи ихъ къ вопросамъ литературы и литературной критики. Искусство есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно разнообразныхъ явленіяхъ. Литература, по его воззрѣнію въ этотъ періодъ, будучи плодомъ свободного вдохновенія людей, созданныхъ для искусства, должна быть символомъ внутренней жизни народа. У насъ нѣтъ литературы, такъ какъ нѣтъ народности, а этой послѣдней нѣтъ и не можетъ быть потому, что наше общество еще слишкомъ юно, еще не установилось, еще

не освободилось отъ европейской опеки; его физиономія еще не выяснилась и невыформировалась. Наша народность покуда состоитъ въ вѣрности изображенія картинъ русской жизни. Представителями у насъ литературы являются пока Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ, которые, очевидно, не могутъ составить цѣлой литературы. Прийдя къ такому заключенію, что современная ему литература не затрагиваетъ основъ народной жизни, Бѣлинскій естественно долженъ былъ останавливаться—при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній—на одной лишь эстетической сторонѣ произведеній, примѣняя и въ данномъ случаѣ тѣ принципы, которые выработала нѣмецкая философія, и которые у Бѣлинскаго сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) поэтическое творчество заключается въ стремленіи поэта—воплощать идею въ образы искусства, при чемъ поэтическое творчество должно быть свободно и произвольно, 2) прекрасное—есть соотвѣтствіе идеи и образа. Но, стоя на эстетической точкѣ зрѣнія, Бѣлинскій въ то же время признавалъ, что идеи, воспроизводимыя поэтомъ, должны принадлежать народу, которому принадлежитъ поэтъ, и времени, въ которое онъ живетъ, т.-е. вводилъ въ обиходъ русской критики элементы критики исторической. Такимъ образомъ первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго можно охарактеризовать названіемъ философско-эстетическаго съ нѣкоторыми историческими просвѣтами. Во второй періодъ Бѣлинскій перешелъ—подъ вліяніемъ плохо понятаго Гегеля—къ отвлеченно-примирительному направленію.

Правда, это направленіе было кратковременное: продолжалось всего около двухъ лѣтъ. Это направленіе выразилось въ статьяхъ: «Очерки бородинскаго сраженія», соч. О. Глинки; «Бородинская годовщина»—В. Жу-

ковскаго; «Менцель-критикъ Гете». Въ этихъ статьяхъ Бѣлинскій призываетъ всѣхъ мириться съ дѣйствительностью, такъ какъ никто не въ состояніи остановить ходъ міра и измѣнить участь народа. Все идетъ по законамъ священной книги судебъ человѣческихъ, по велѣніямъ вѣчной книги царствъ. Очевидно, что Бѣлинскій въ этотъ періодъ, подъ вліяніемъ плохо понятаго Гегеля, находилъ всякую дѣйствительность разумной.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій перешелъ къ реалистическому направленію мыслей. Съ этого времени онъ предъявляетъ къ критику новыя требованія: онъ долженъ раскрыть внутреннія основы народной жизни и долженъ показать, въ какой мѣрѣ и съ какою силой онѣ отразились въ лучшихъ произведеніяхъ литературы. Искусство должно заниматься текущей жизнью, чтобы оно мудро разрѣшало задачу даннаго момента. Но, предъявляя къ другимъ критикамъ такія требованія, самъ онъ ни въ поэзіи Пушкина, ни въ произведеніяхъ Гоголя не открылъ основныхъ качествъ русской народности, и не показавъ, какъ они воплотились въ ихъ художественныхъ произведеніяхъ. Примѣняя къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній точку зрѣнія общественной пользы, Бѣлинскій такимъ образомъ — въ послѣдній періодъ своей дѣятельности дошелъ до крайностей. Недаромъ впоследствии Писаревъ назвалъ его своимъ учителемъ на почвѣ своей критической дѣятельности. Переходимъ къ 50-мъ годамъ XIX ст. Уже со времени послѣдняго періода дѣятельности Бѣлинскаго въ воздухѣ носились реалистическіе взгляды на искусство и природу; надо были эти взгляды оформить и систематизировать, каковую задачу и взялъ на себя Чернышевскій. Въ своей диссертациі: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», Чернышев

скій и собралъ все, что можно сказать въ защиту этого реалистическаго взгляда. По взглядамъ Чернышевскаго, прекрасное есть то, что мило, дорого каждому человѣку. А, такъ какъ дороже жизни нѣтъ ничего, то прекрасное есть жизнь, и при томъ — жизнь, напоминающая о человѣкѣ.

Мнѣніе, что человѣку непременно нужно совершенство — мнѣніе фантастическое. Совершенство для меня то, что для меня вполнѣ удовлетворительно въ своемъ родѣ. Поэзія идеализируетъ или, просто говоря, преувеличиваетъ какія-нибудь основныя качества предмета, — въ этомъ собственно и вся ея оригинальность. Природа и жизнь выше искусства, но искусство старается угодить нашимъ наклонностямъ. Искусство суррогатъ вещи. Съ этой точки зрѣнія искусство — дѣло необходимое. Содержаніе искусства — общеинтересное въ жизни. Истинно содержательное искусство должно заключать въ себѣ три элемента: 1) вѣрное изображеніе дѣйствительности; 2) объясненіе жизни, и наконецъ 3) нравственное назиданіе. Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ прекраснымъ назначеніемъ (въ случаѣ отсутствія дѣйствительности) быть нѣкоторою замѣною ея и быть для человѣка учебникомъ жизни. Итакъ, реализмъ, обоснованный Чернышевскимъ, въ корнѣ подточилъ то идеалистическое направленіе въ литературѣ и литературной критикѣ, которое укоренилось у насъ, благодаря нѣмецкой философіи. Всѣ отвлеченныя вопросы объ отношеніи Божества къ міру, о проникновеніи міра абсолютной божеской идеей, объ отраженіи Божества въ мірѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ о проявленіи высшей красоты — отошли въ сторону, а на ихъ мѣсто выдвинуты вопросы о дѣйствительности, о человѣческой жизни, какъ центръ высшихъ интересовъ.